VISIT…

VISIT…

Опубликовано: Обсерватория культуры. №1, 2011, С. 34 – 37

А. В. Смирнов

КОНЦЕПЦИЯ МИШЕЛЯ ФУКО КАК ИСТОЧНИК В ПОИСКЕ МЕТОДОВ ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Исследования повседневности в настоящее время представляют одно из важнейших направлений сосредоточения интеллектуальных усилий науки о культуре. Однако основной проблемой, с которой сталкивается изучение повседневной жизни, является отсутствие концептуальной основы построения знания о ней. Цель данной статьи заключается в том, чтобы установить, насколько результаты историко-культурных исследований Мишеля Фуко, в частности, его концепция дискурса, могут быть применены при изучении повседневности в науке о культуре. Работа над методологическими проблемами изучения истории в книге «Археология знания» [1] поставила Фуко перед задачей поиска документальных подтверждений своих теоретических новаций на микроисторическом уровне, переход на который, по мнению таких представителей «новой исторической науки», как М. Блок, Л. Февр, А. Я. Гуревич [2], способен придать новый импульс развитию исторического знания. Проблематика повседневности в работах Фуко выглядит вполне закономерной с учетом того, что в некоторых из них, таких как, например «Воля к знанию» [3] и «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» [4] прослеживается характерная для исторической науки смена предмета исследований.

Принципиально новым моментом, привнесенным Фуко в изучении истории, является «генеалогический» метод, название которого восходит к творчеству Ф. Ницше [5]. Данный метод позволяет ответить на главный вопрос, неизбежный в рамках методологии изучения повседневности: как и в каких научных категориях следует изучать повседневность? Изучение повседневности нельзя свести к процессу сбора фактов повседневной жизни прошлого и настоящего, уже хотя бы в силу того, что сбор фактов традиционно остается прерогативой историков и этнографов, а на изучение повседневности претендуют и культурологи, и представители социальной антропологии. Кроме того, проблема статуса исторического факта применительно к истории повседневности заслуживает отдельного рассмотрения в рамках методологии исторической науки. Отметим также, что пополнение набора фактов еще не свидетельствует о развитии науки, для которого необходим уровень теоретического анализа. Обострение обозначенных методологических проблем приводит формирующуюся науку о повседневности к необходимости выявлять закономерности развития структур повседневности, под которыми, в частности, могут пониматься сферы,

где развертываются практики повседневности, а также формы символической репрезентации этих практик. Данное понимание структур повседневности отлично от того, которое было предложено Ф. Броделем [6]. В соответствии с подходом Фуко [1, 24], повседневность можно рассматривать как совокупность единичных событий-высказываний, сгруппированных в форме дискурсивных практик, для изучения которых применяются соответствующие методы. Такая группировка событий («исторических фактов») дает возможность распространить науку о культуре на «территорию историка», то есть на предметную область, являющуюся спорной, прежде всего, с новой исторической наукой, а также с другими, вновь появившимися областями научного знания о человеке (такими, как, например, социальная антропология, культурная история, история повседневности). Под «территорией историка» в данном случае понимается круг проблем, возникающих при взаимодействии «сигналов, сообщений, идущих из прошлого, с вопросами и моделями, которые посылает в прошлое современная исследовательская мысль современного историка для того, чтобы получить необходимые ей ответы» [2, 597].

Для изучения той или иной сферы повседневной жизни Фуко предлагает рассматривать структуры лингво-семиотического характера, то есть дискурсивные структуры. Теоретические предпосылки такого анализа можно найти в книге «Археология знания» [1], а их приложение к социокультурной эмпирике можно найти, например, в работах «Воля к знанию» [3] и «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» [4]. Сложность применения метода, предложенного в «Археологии знания», к изучению повседневной жизни состоит в том, что повседневность в целом представляет собой принципиально иную формацию по сравнению, например, с медициной или судебно-пенитенциарной системой – областями, дискурсивные закономерности которых были рассмотрены в ходе генеалогических исследований самим Фуко. Повседневную жизнь нельзя свести к одной из практик или хотя бы выделить в ней преобладающую. Она представляет собой совокупность (ансамбль, констелляция) практик, которая в ходе происходящей в настоящее время трансформации наук о человеке получила новый концептуальный статус. Эта трансформация заключается в появлении новых методов перегруппировки сингулярностей – исторических событий, что приводит к появлению как новых областей научного знания, так и новых познавательных стратегий.

Если методы анализа, изложенные в «Археологии знания», касаются, в основном, различных практик производства знания, то сфера повседневности представляет собой некую «форму жизни», культурный феномен, в значительно меньшей степени связанный с накоплением и распределением знания. Если, например, медицина представляет собой как форму существования знания, так и практику, связанную с его использованием и получением, то повседневность

представляет собой некий предмет знания, то, о чем знание следует получать в том числе и вне рамок науки о ней. Повседневность как таковая не есть деятельность, но есть концепт, репрезентирующий целый ряд видов деятельности и их результатов. В определенном отношении она подобна (в смысле Фуко) политике и литературе. То есть точно так же, как существовавшие практики управления и письма лишь в определенный исторический период получили объективацию в форме политики и литературы, практики, составляющие повседневность имеют давнюю историю, объективированную в форме концепта повседневности лишь в XX веке. Мы будем придерживаться предположения, что повседневность можно концептуализировать в рамках генеалогического анализа стратегий управления индивидами, что задает предмет нашего исследования вне дисциплинарных границ истории, социологии и антропологии, но вполне может быть соотнесено с проблемным полем науки о культуре.

Одной из важнейших задач, стоящих перед генеалогией повседневности, является выявление тех понятий, которые могут быть вообще объективированы при изучении повседневности, не используя дискурсивного анализа, а затем осуществить генеалогию этих понятий и способы их объективации. Подобный анализ можно осуществить на основе работ Ж. Бодрийяра. применительно к таким понятиям как товар, вещь и потребитель, которые были объективированы ранее в других науках, исходя из наличия самой практики потребления как таковой. Бодрийяр проводит анализ практики потребления, которая собственно и дает возможность объективации потребителей. Бодрийяр настаивает на том, что необходимо изучать не потребителей, а практику их формирования, поскольку потребление не сводится к покупке и использованию товаров и услуг, но представляет собой целую систему, связанную, в том числе и с формированием особых качеств индивидов, участвующих в данном процессе. Бодрийяр писал об этом более подробно в таких работах, как «Система вещей» [7], «К критике политической экономии знака» [8] и «Общество потребления» [9].

В условиях «цивилизации архива» производство знания входит в систему практик любого социального института в качестве неотъемлемой составляющей, прослеживаемой на основе ее следов, зафиксированных в архиве, в том смысле, который Фуко придает этому термину. Отсюда следует важнейшее методологическое ограничение, свойственное генеалогической концепции: она действенна только применительно к анализу не просто письменных культур, но цивилизаций архива, то есть сообществ, фиксирующих результаты своей дискурсивной активности.

Концепция дискурса, предложенная Фуко, открывает возможность рассмотрения повседневной жизни в рамках науки о культуре, для реализации которой необходимо создавать единую концептуальную схему исследования дискурсивных структур взаимодействия власти и индивидов. Проект применения

генеалогического метода к изучению истории повседневной жизни был выдвинут в работе «Жизнь бесславных людей» [10]. В данной работе обоснована возможность построения «генеалогии» дискурсивных структур (дискурсивных практик и дискурсивных формаций, в частности) составляющих повседневность, предполагая расширить предметное поле исторической науки за счет придания значимости фактам и биографиям, ранее не привлекавшим внимания историков. Фуко обращает внимание на то, каким образом те или иные индивиды, представленные в архиве лишь в форме кратких фрагментов их биографий, становятся «видимыми» для власти, попадают в поле ее силового воздействия. Для осуществления генеалогического анализа нужны «тексты, состоящие в наибольшем числе возможных отношений с действительностью; чтобы они не только с ней соотносились, но в ней действовали» [10, 254]. В таких текстах и проявляется власть в действии, или, что то же самое, действие того или иного диспозитива власти. Ключевыми объектами для генеалогического анализа становятся диспозитивы, дискурсивные конструкции, делающие индивидов видимыми для власти. Диспозитивы являются даже не инструментами надзора, это, скорее, механизмы, вынуждающие индивидов вступать в отношения с властью. В работе «Воля к знанию» в качестве таких диспозитивов Фуко рассматривал супружество и сексуальность. Благодаря обеим этим структурам власть обретает повод для включения индивидов в свои высказывания.

Фуко исходит из следующего предположения. В XVI веке на основании постановлений Тридентского собора некоторые области повседневной жизни населения Европы оказались представленными в дискурсе власти в форме исповедального слова, пока еще не обладающего статусом обязательной фиксации в форме письменного текста. Данные процессы подробно проанализированы в работе «Воля к знанию». Однако, по мнению Фуко, в XVII – XVIII веках (то есть рассматриваемом в статье «Жизнь бесславных людей» периоде) форма представления повседневной жизни в дискурсе власти радикальным образом поменялась. Во-первых, дискурсивная активность власти приобрела форму письменного текста и статус архивной единицы хранения. Во-вторых, характер этого дискурса стал уже не религиозно-исповедальным, но юридическим, благодаря чему преобладающим видом высказывания стали доносы или жалобы королю. В-третьих, особую роль в дискурсе власти приобрела риторика, делающая пороки и социальные девиации видимыми для политической власти. В-четвертых, присутствие в этом дискурсе перестало быть обязанностью для каждого индивида. Власть выработала иные формы для управления отдельными индивидами, связанные, например, с построением дисциплинарных пространств, обеспечивающих реализацию технологий управления на уровне повседневной жизни.

Данная стратегия привела к тому, что власть проникла на уровень отношений между индивидами: «политическое самовластие начинает размещаться на самом простейшем уровне общественного тела; от субъекта к субъекту, между членами одной и той же семьи… мы можем помимо традиционных орудий господства и повиновения употреблять к своей выгоде средства политической власти … и вся политическая цепочка начинает переплетаться с канвой повседневного» [10, 265]. Тем самым Фуко постулирует то, что во Франции в XVII веке было положено начало процессу внедрения политических структур в сферу повседневной жизни, сначала на уровне проникновения отношений абсолютизма в отношения традиционно неполитизированные, например, семейные.

Эти примеры демонстрируют нам, что власть вырабатывает механизм проникновения в повседневные отношения и взаимодействия с ними, выявляет наиболее проницаемые их сферы, совершенствует инструменты влияния на них. Мы можем согласиться с Фуко в том, что данная тенденция была подкреплена взаимным интересом. Традиционные механизмы власти и господства, существовавшие в тогдашнем французском обществе, начинали разрушаться под действием новых социальных отношений в нем складывавшихся. Эти изменения были вызваны, прежде всего, изменениями в сфере труда. Поэтому часть сил политической власти были направлены на укрепление традиционных отношений господства, но ценой за это оказалось то, что, во-первых, целый ряд социальных структур, таких как, например, семья, стали, во-первых, полностью прозрачными для власти политической, а, во-вторых, зависимыми от нее в том смысле, что традиционные отношении власти («семейного господства») стали поддерживаться и замещаться политической властью. Заметим, что подобный же феномен отмечается и Ж. Бодрийяром: «подмена символического (господства) экономическим позволяет окончательно обеспечить господство политической власти над обществом» [11, 107].

Таким образом, можно указать, что сфера повседневных отношений оказалась, пользуясь терминологией Фуко, «выведенной в дискурс»: «все явления, что образуют обыденное: ничего не значащие подробности, безвестность, заурядные будни, простое житье – могут и должны быть сказаны, а еще лучше – записаны. Описываемыми и переписываемыми они становятся в той самой мере, в какой пронизываются механизмами политической власти» [10, 267]. Фуко отмечает важную закономерность: та или иная сфера повседневной жизни пронизана политической властью тем в большей степени, чем большее количество дискурсов она порождает.

Еще одно предположение Фуко состоит в том, что именно в это время «берет начало известное знание о повседневности, а вместе с ним, и та схема понимания, которую Запад накладывает на наши поступки, на наши способы существования или действия» [10, 267]. Таким образом, современное знание о повседневности

складывается на основе тех дискурсов власти, которые выстроены с целью управления населением. Никакое знание не бывает нейтральным. Оно может быть, конечно, нейтральным идеологически, но оно не может быть нейтральным прагматически. То есть целью знания о повседневности является власть над теми субъектами, повседневность которых составляет содержание этого знания. Именно развитие такого знания стало основой для появления новоевропейских утопических проектов реформы социальных отношений, складывающихся в пространстве «власть – труд – быт». Но самое сильное преобразование в отношениях повседневности происходит на стадии смены носителя власти, когда политическая власть, олицетворяемая в рассматриваемый Фуко период монархом, превратится во власть как «тонкую, сплошную и дифференцированную сеть, в которой будут непрерывно сменять и поддерживать друг друга разнообразные установления правосудия, полиции, медицины, психиатрии» [10, 270]. Фуко доказывает факт изменения способа присутствия власти в обществе. На смену персонифицированной власти монарха приходит безликая система, использующая уже сформированные в условиях абсолютизма механизмы влияния на общество. Эта деперсонализированная система власти преследует при этом аналогичные цели, состоящие в обеспечении эффективного управления социумом. Главный результат внедрения власти в сферу повседневной жизни состоит в том, что от механизмов, вызванных к жизни необходимостью сохранения традиционных, неполитических форм социального контроля, обществу избавиться уже не удается, повседневная жизнь оказывается прочно связанной с системой политической власти и наполненной механизмами внедрения власти в социум.

Хотя работы Фуко, в основном, посвящены отдельным сферам социокультурной деятельности (судебно-пенитенциарной системе, клинической медицине, психиатрии, практикам производства знания), не следует полагать, что выбор этих сфер связан с методологическими ограничениями. Рассмотрение в категориях знания, дискурса и практик оказывается тематически инвариантным. В рамках генеалогической концепции рассмотрение истории возникновения социального института или культурного феномена оказывается невозможным, единственно возможной становится задача установления того, в результате взаимодействия каких практик он был объективирован в известной ныне форме. Генеалогический метод позволяет продемонстрировать, как различные виды социокультурной деятельности были объективированы в дискурсивные формации, известные в гуманитарных науках под различными терминами: социальный институт, культурная форма, культурный феномен и т.д.

«Генеалогический проект» М. Фуко открывает перспективы реализации исследовательской программы, предложенной представителями новой исторической науки. А. Я. Гуревич так пишет об этой программе: «Речь идет об изучении образа мыслить и чувствовать, присущего рядовым членам общества, о

раскрытии иной точки зрения на мир и человека, которая была присуща трудящимся. … без пристального изучения низового пласта культуры, сплошь и рядом неточно формулированного, а то и попросту смутно выговоренного, невозможно понять ни их поведение, ни ту почву, на которой произрастали и изысканные и уникальные культурные творения» [2, 317]. Эта программа исторического изучения культуры состоит в том, чтобы, прежде всего, перестать отождествлять культуру с культурой элитарной. Если сравнивать между собой проекты «генеалогии» повседневности и новой исторической науки, то необходимо отметить идентичность предмета исследования, положенного в основу этих проектов. Если Гуревич в качестве такого предмета называет «низовой пласт культуры», то Фуко определяет предмет своего исследования как «жизнь бесславных людей». Оба проекта основываются на изучении сходных исторических источников – архивных данных о жизни и деятельности различных социальных групп населения, городского по преимуществу. Фактически, «генеалогия повседневности» решает те же задачи, что и «микроисторические» исследования, необходимость которых была обоснована «новой исторической наукой». Однако основное отличие микроисторической парадигмы (по крайней мере, в понимании А. Я. Гуревича) состоит в том, что в ее рамках предполагается изучение ментальности, определяющей закономерности поведения и творческой деятельности людей – основных персонажей микроистории.

Рассмотрение работ Фуко позволяет предложить новый метод изучения повседневности и способ ее концептуализации в науке о культуре. В ряде своих работ (ссылка) он обозначил исследовательские перспективы, предлагая прослеживать в «жизни бесславных людей» (то есть, фактически, в микроисторической проблематике), дискурсивные процедуры и стратегии власти. При этом топика его исследования остается в тех границах, которые были выявлены, «внесобытийной» историей, то есть, «новой исторической наукой». Однако предложенный метод не предполагает привычной для историков интерпретации или герменевтического истолкования архивных источников. Вместо этого предлагается новая исследовательская стратегия, в соответствии с которой путем новой группировки событий устанавливаются дискурсивные закономерности, представляемые в форме практик. Тем самым, при сохранении объекта исследования, в частности, повседневной жизни, формируется то, что можно рассматривать как новый предмет научного исследования: а именно практики повседневности. Именно в контексте изучения этих практик в настоящее время и разворачиваются перспективные культурологические проекты исследования повседневной жизни.

Литература

1. Фуко М. Археология знания. Киев, Ника-центр, 1994

2. Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. М.: РГГУ, 2005.

3. Фуко М. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине. М., Касталь, 1996. – С.97 – 268.

4. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., Ad Marginem, 1999.

5. Ницше Ф. Генеалогия морали. СПб., Азбука, 2006.

6. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Весь Мир, 2006.

7. Бодрийяр Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. - М.: Рудомино, 1995. – 174 с.

8. Бодрийяр Ж. К критике политический экономии знака / Ж. Бодрийяр. - М.: Библион – Русская книга, 2003. – 272 с.

9. Бодрийяр Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийяр. - М.: Республика, Культурная революция, 2006.

10. Фуко М. Жизнь бесславных людей // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Часть 1. С. 249 – 277.

11. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., Добросвет, 2000